

Том Джонсон

ДА ЗДРАВСТВУЮТ СОВЕТЫ! *)

перевод с французского

---

*) Статья содержит некоторое число неточностей. Приятно отметить те, которые перестали соответствовать действительности, благодаря изменению отношения к некоторым действиям культурного движения, например, к Гребенщикону, - и не только к нему. Взгляд на движение явно показывает, насколько важно отражение происходящего в нем изнутри. / прим.ред./.

Наконец-то советское наше винтажное открыто. С легкой руки Камкова-кого Москвы и Ленинград кидают пышные тиханты: сквоттеры, пабы-мод, театральные преставления, группы индустриального рока, артисты-футуристы, праздничные уличные праздники в четыре часа утра, концерт стрека, начали обицкай?

Вторник 14 января. Десять часов вечера.. Минус пятнадцать. В Москве сильнейшее. Это русский Новый год. Первый пригорбачев. Символичный день. Что изменилось? Двери метро вспыхивают толпами разлаженных москвичей, увлекающихся только на обледенелых тротуарах. Мости в центре столицы забиты. У входа в рестораны пьерцами с хриком выгоняют прибывающих. Некоторые захвачены столик за изящь. Большие черные машины останавливаются около крупных гостиниц. Бюфеты спешат открыть дверцы упаковкам наградами пузатым владельцем бильярдов и их женам в соболях. Что изменилось?

Все эти "слихи общества" встречаются в ресторане "Рубин" в двадцать-тридцать человек. Всуха, советское шампанское, трушинские вина текут рекой. Объедаются икрой. Прятаясь к соседям. Танцуют что-то типа лисы на арабский канер, подняв руки вверх. Сам я приглашен на поздравления праздников. Я выбрали из них два: "карикад" у ученого-исследователя и "авангард" вечер в центре у сквоттеров.

Первый праздник состоялся за городом, в накинской четырехкомнатной квартире, где десятка две три кутишки в пасхах, один акцентуичное другого, собрались вокруг огромного буфета, засыпанный от кончиком руки, баранины, свежих овощей, кури, причем все - преисходящего качества. Дожина-весна в черной

документации и красном декольте, на пильках, радужно подись-
ают две бокалы стакан водки и череполинную тарелку.

На стенах квартир красуется потрясающая коллекция
икон, лавки покрыты водочными и медвельями изурами. Рита,
жена профессора, происходит из семьи крупных буржуа прошлого
века. Она знакомит меня с двумя американцами, организаторами
телефеста между русскими ескимосами и ескимосами Аляс-
ки.

Второй празднич - у скваттеров - происходит в самом
центре Москвы. Ни икон, ни икон, в прямом смысле. Государство собирается устроить там летний сад. Пока на-
значено трапе сторожей. На самом деле, это три "всехих ху-
дожника", которые, едва напившись, созывали толпу друзей-
музыкантов, киношников, подельеров, художников, сколотеат-
ральной публики. Недолго думая, они превратили огромные пу-
стующие комнаты в студии, где устраивают рок-концерты, вы-
ставки живописи, театральные представления... Администрация
не возражает.

Филатов, один из сторожей, обритый наголо, знакомит
меня с остальными. Их больше тридцати. Четыре играют в группе "Браво", солистка которой только что вышла из тюрьмы, проводя там шесть месяцев. Уроженка Сибири, она не имела
права жить в Москве (Сейчас, кажется, это ужажено). Вот это-
Никита, он создал знаменитую подпольную галерею АРТ-арт в
середине семидесятих годов. Это была эпоха бит-блока. Это
галерея была закрыта в 1984-м. Конец эпохи. А вот это - За-
харов Задум. Одержимый!"

Один из наиболее интересных художников в среде совет-
ских свободомысленных. Тридцатишестилетний, с налепкой индийской
бастарчевой студенки. Среди всеобщего шума он рассказывает
меня свою историю. Его выражение слова и пирата пришло к нему
шесть лет назад на гребне успеха. Жизнь в то время он матерился
по Москве с черной повязкой на глазу. "Пират, - говорит он,-
это камень. Слов - это множество. Это животное, которое сим-
волизирует развитие человечества".

Засоренная Байдама нарисована множеством сцен с пиратом
и словом. На его полотнах они беседуют. Это основное полож-

го: человек-слон-пират, это синтез противоположностей. Каждый год он создает новое полотно, и содержание их разворотов меняется:

1980: "Я знаю, что никакая защитная реакция не приведет плодов. Слони не могут мне жить".

1982: "Я ужасаюсь, потому что я знаю, что хоботы слонов длиннее их дурацких ножей".

1984: "Я думал, что хоботы слонов длиннее их дурацких ножей, но я ошибся. Я разочарован".

1985: развод; человек-слон и пират расходятся и снова борются.

1986: появление третьего персонажа, бесформенной маски, вызвавшей тревогу, ее ртом и носом, но без глаз.

Задум Захаров только что впервые официально выставил в Москве. Это выставка оказалась всего один день, но изменения значительные. Несколько лет назад сработала магия живописи, сопровождавшая текстами, были отрого задуманы.

"Адем, - говорит он мне, - сейчас настается покой. Нельзя пропустить постановку Иоп-механики".

- Иоп-Механика?

- Ты не знаешь? Это авангардная ленинградская группа! Сейчас в СССР нет ничего сильнее. Особенно известен Сергей, автор фильма.

- Это киноманки?

- Скорее музыканты, но и художники, дизайнеры... Если ты хочешь понять, что сейчас происходит, ты должен пойти на них посмотреть!" .

Из разбитого ка-натофона доносятся скрипящие звуки электронной марсальеи. Фильм нарис. "Убийство пожарника". Двадцатиминутный фарс с перевозбудженными персонажами, живущими на развалинах завода, смесь "Андалузской собаки" Бунюэля в Дали и "Сталкера" Тарковского.

Все говорят со мной откровенно и показывают себя фотографировать. Почему бы они на такой риск во время прихода к власти Горбачева? Никита Ахкиев, - основатель галереи ART ART, уверяет, что нет. Он более десяти лет боролся за тени. Когда он практикает эти годы категорией настоящего. Появление его друзей-символиков, это небо и земля. Все его друзья прутами

через тюрьму, как, например, Сысоев, художник-карикатурист, арестованный полтора года назад за свои рисунки, квалифицированные как порнографические.

Может быть, подпольная советская культура выходит из эпохи Семинарата? В Москве только что состоялся первый неофициальный рок-фестиваль. И, к сожалению, не достал билета. Их было всего 400 и они достались самим причастным. Касается ли это исключительно лиц, причастных к Номенклатуре? Не думай. На официальном открытии нападки на систему в центре были слишком очевидны.

Я покидаю скваттеров и прогуливаюсь по Москве. Позавка: кафе-диско. Начиная с сентября 85 года в каждом районе комсомольцы открыли что-то типа бевалкотильных молочных баров, где организовывали конкурсы... брок-данс! Сначала брок танцевала горстка детей-художественной элиты и местных жителей, контактирующих с иностранцами, постановщиками видео. Но жизнь течет, и в течение каких-нибудь нескольких месяцев молодые брейкеры появляются в предместьях Москвы. Все идет на этом останавливаться. Но время изменяется: кажется, ССР действительно вступает в возраст информации: Вот система, которая смогла интегрировать модное явление на полной скорости. Русские брейкеры оригиналны: они вместили в танец акробатические элементы казачка, знаменитого казацкого танца. Это удивительно хорошо смотрится.

Другой пример изменения и внешнего оформления советской культуры: 1 января прошлого года в центре Москвы на пешеходной улице Арбат был организован праздник в четыре часа утра. Инициаторы принадлежали группе студентов архитектурного института. Был построен семиугольный снежный дворец, сыграна театральная пьеса, устроены бал. Впервые после революции в Москве частными лицами был организован народный праздник. Гвоздем вечера был двухсторонний обмен новогодними поздравлениями на телекране между Рейгани и Горбачевым. Едва уверяли, что этот праздник станет традиционным.

Горбачев продолжает работать за развитие частной инициативы. Обсуждается закон, разрешающий кредитование лиц, желающих организовать собственные предприятия. Юрий Семёнов,

один из ведущих советских писателей (роман которого "Петров-
и, 30" только что вышел в Париже в издательстве "Бибес"),
другой друг Первого секретаря, только что снял многосерий-
ный телесериал, который напоминает советскому телезрителю о
том, что он имеет возможность создать свое собственное дело.
Роман называется "Конфронтация": романический арестован у
себя дома и находящий по заявлению соседей, которые видели, как
он продавал свои изделия. Имиты его подрывают. Тип заяв-
ляется: "Я имею право иметь личные доходы - это записано в
конституции!" На протяжении серии следуют столкновение про-
стого человека с полицией и правосудием. В конце концов, он
выигрывает дело. Власти признают свою ошибку. (Речь идет о
статье 117 Конституции 1977 года, разрешающей "раздавать"
продавать свою продукцию или продукцию своей семьи, если
это "в интересах общества" - редакция текста, которая, бес-
спорно, позволяет любое толкование..

"Мы еще не приближились достаточно того, к чему пришли
китайцы, - говорит мне высокопоставленное лицо, -- но мы на-
пути к этому. Доказательство (он шутит): заинтересовалась
сначала Китаем, наш известный модельер Пьер Карден приехал
теперь в СССР".

Мода и "от кутюр" - одно из наиболее значительных свя-
занных звеньев между именитостью, папкой и массами. На-
стоящая звезда, выдвинутая новыми властями, Вячеслав Байзаков,
как известно, сейчас является официальным модельером совет-
ского режима. Он начал с моделей рабочей одежды. Затем он
пополному утвердился как директор одного из московских До-
мов Моделей. Ему, естественно, платят зарплату, и под его
руководством работает человек пятьдесят. Я встречалась с ним. Он
объясняет мне свой "принцип". Сейчас все в СССР хотят празд-
ника. Я вижу свой праздник в воображении и борюсь за его
 осуществление. Но это происходит поэтапно. Люди этой страны
не все могут принять сразу. Роль авангарда - терпеливо и
настойчиво поддерживать этот долгий праздник".

Я присутствую на показе мод. Человек сто сидит
вокруг эстрады. Здесь в белом, с прической сником, мастер
представляет свое шоу под диско-музыку: "Не скучайтеесь

больше на улице! Я знаю, когда и снег — это не всегда забавно. Тем более, сделайте усилие: одевайтесь ярче!"

На сцене появляются пять нацикенщиц, сидят в красных, голубых, зеленых платьях. Затем три молодых человека в разноцветных объемных перстенных куртках. "Вы видите эти цвета, — воскликнет Зайдев, — я езжу за ними в украинскую деревушку. Нам предки умели быть веселыми и изобретательными!" Нацикенщицы лягивают. Торжественно выходят шесть пар, — задрапированые в черный бархат, вышитый золотом. Аплодисменты. "По китайскому гороскопу, — продолжает артист, — мы вступаем в год Тигра. Цвета года — черный и золотой.. Конечно, вы можете мне сказать, что такие наряды дорого стоят. Вам остается только одно, чтобы найти возможность их купить: работать больше!" (весь смех присутствующих).

Зайдев сейчас работает только на элиту. Чтобы помочь ему перейти к массовому производству и готовому платью, Карден только что подписал с ним договор.

Чтобы попытаться узнать больше, я встречаюсь с модельером в его личной студии. Но он отказывается со мной говорить о своем контракте с французом. Зато он мне показывает замечательные фотографии. Я узнаю, что Зайдев во вечеринки ставит сценки с персонажами, которых он оставляет на улице рядом со своим домом, одевает с ног до головы и заставляет позировать в чрезвычайно чувственных композициях, которые напоминают полотна итальянского Возрождения. К несчастью, эти фотографии хранятся в глубине шкафа: слишком много таких тел.

"Еще слишком рано, — говорит он с прыжкой — прымасой, люди еще не готовы. Но я надеюсь. Я знаю, что однажды..."

Входит его сын Егор. Двадцать лет, физиономия рокера. Он тоже работает в области моды. Его модели — из черной кожи, все в искрящих и засверкающих. Явное влияние панка. Он говорит мне о своих любых группах: аквариум и Ханс, которые входят в состав Цирк-Механики. Гто по меньшей мере в четверть раз, как я слышу это название. Когда он узнает, что я не знаю, о чем идет речь, Егор Зайдев воскликнет: "Ты должен ехать в Ленинград!".

Ленинград. Минус двадцать пять. Девять часов вечера. Улицы пустыни. Наконец, я прихожу на набережную Робеспьера, на берег замерзшей реки. Снег летит мне в лицо, арка дома № 63. Я вхожу во двор, как мне сказали. Снега нет. Меня ждет фальшивак, несмотря на холод и мое пятнадцатиминутное опоздание. Мы проходим через ворота, затем через второй двор, поднимаемся по ветхой лестнице, пахнущей затхлостью. Шестой и последний этаж. Железная дверь. Мы входим.

Хозяин приглашает меня снять куртку и шапку. Наряд мы проходим по длинному темному коридору с глянко-серебряными стенами. Толстая домахозяйка в пленках и пердинке, с волосами, как попало собранными в кичку, молча проходит мимо нас. Она выходит в кухню. 25-ваттная лампочка-слабо освещает четыре плиты. Фантастический строй. От кастриоли вкусно пахнет борщом. Он открывает четвертую дверь справа, приглашает меня войти. Восточный базар: кучи одежды, несколько коробок, шиф, прямо на красном кафельном полу - матрас, скурхи, пустые коробки из-под кассет, кипи-кассетник, издающий звуки немыслимого рока, обдувленная электрогитара, бережно положенная на деревянный табурет. На стене - калоньская надпись: А55А. Четверо присутствующих встают, покидают мне руку. Мне наливают стакан чая.

Как они собираются устраивать общий мой помех под в таком борделе? Где наряды? Где занавесчицы? Что делать, чтобы не помешать соседям, живущим в конце коридора?

"Нет проблем, - говорит мне Африка, двадцатишестилетний блондин, смахивающий на Буин. - После чая ты перейдешь в соседнюю комнату, там уже все готовится и ты это увидишь".

Сказано - сделано. Меня усаживают на стул в одной из заброшенных комнат, превращенной в студию. (В этой квартире, предназначенной для четырех семей, живет только двое). Вспышка. Стены покрыты странными полотнами. (Как я узнаю, произведения этого Африки): персонажи нарисованы на презервативной пластике, с первого взгляда кажется, что они нарисованы прямо на стене.

Втечение-четверти часа они труются как муравьи. Они выкапают извесь откуда побитые софы, настек подметают,

задрапированы стены чёрно-серебряным шлафтом. Волшебство! Комната преобразилась. Я застываю на стуле.

Шоколад открывает Африка под ружу с неизвестно откуда взявшейся высокой и красивой девушкой:- "Священик со своей женой!" - объявляет он театральным голосом, потрясая медным православным крестом с резьбой. Девушка кружится, приводя в движение свое блестящее серое-хорошо отглаженное платье, бросая гордый взгляд из-под своего очень широкого астраханского тока. На ее левой щеке четыре буквы: "ASSA"! Лицо Африки полностью скрыто черной драпировкой. Они изображают мессу и исчезают.

Далее следует выход Тимура, одетого в черную епецовку, покрытую разноцветными пятнами, к поясу привязанные деревянные ложки. Выпятив грудь, он объявляет: "Рабочий космы!" и, в свою очередь, исчезает. Меня приглашают пройти на кухню. Тут появляется "старый солдат и его жена". Они поднимаются на пыль, танцуют, изображают встречу. Кривляясь, внезапно появляются остальные, одетые в прозрачную посеребренную бумагу. Эйфория кухня превращается в потусторонний дворец. Затем все снова исчезает, и мы оказываемся в мрачной комнате за вторым занавесом. Кончен бал.

Мое любопытство достигает апогея. Наконец я виду Поп-Механику, или, по крайней мере, часть ее членов. И кто же они? Сидящий в углу коренастый мужчина с пролетарскими замашками бросает на меня ирачный взгляд. У него круглые глаза; черные волосы падают ему на плечи. Ему тридцать четыре года. Это пианист Сергей Курехин. Один из ведущих советских джазовых музыкантов. Все началось с него.

1983 год. Вот уже два года как-то известен в Америке. Его альбом "Дороги свободы" (Lee Records, 1981) вызвал восторженный отклик " — "Постоянное откровение!" Но на Западе не знают, что Сергей Курехин гораздо больше, чем джазмен. Долгое время он мечтает поставить "всесобщий спектакль". Приход к власти Андропова в конце 82 года позволил ему наконец перейти к делу. Он явно одержим манией величия.

М хочу, - говорит он, - цирк, зоопарк, театр, и группу цыган - я обожаю цыган! - Мне нужна опера, труппа оперетты, рок-балет, художники, манекенщицы, и тысяча других ком-

лонентов, которые приведут нас к "траншам абсурда!"

Сергей собирается встретиться с руководителями недавно созданного Рок-клуба (на самом деле речь идет о космополитическом дворце Молодежи, где рок-концерт сперва был над дружинами деятельности) и он получает разрешение на постановку супер-коу: Нон-Механики. В центре - двадцать два музыканта из его личевой группы. Вокруг - все виды театральных представлений: танцы, пьесы, скетчи, живопись, показы "мод" типа того, что в сейчас видел. Аквариум, самая знаменитая рок-группа СССР, ее руководителем которой является Сергей, присоединяется к спектаклю, вскоре ее примеру следят Кино, группа "Строеких романтиков", будущий лидер подпольного хит-парка. Короче, нечто значительное. Но только значительное, что они могут играть только два-три раза в год - главным образом в Рок-клубе Ленинграда (один раз они вышли в Москву). Перед каждым представлением билеты на 400 мест разут друг у друга из рук, и надо быть чрезвычайно ловким, чтобы ухватить один. Публика разнообразная, от новоявленных до местных жителей.

Почему эта группа так восхищает сейчас советскую молодежь? Чем объяснить, что ее влияние распространяется вплоть до Москвы. Я спрашиваю Сергея Курехина. Благодарная задача - этот указанный не доверяет западной прессе, он говорит, что какие-то британские журналисты недавно выступали с пажеской статьей о русской сцене. Без помощи Афики-я, конечно, не смог бы и нему подойти... Он заметно сруб со шнор.

Все члены Нон-Механики, безусловно, пребывают в подполье. (Официально они называются "любители"). Чтобы заработать на жизнь, они должны найти какой-нибудь заработок. Сам Сергей Курехин работает поваром; Борис, лидер Аквариума, играет на пианино в гимнастических залах; остальные работают извозчиками и путевыми рабочими (левушки везут больше, в основном они официальные машинисты). Благодаря этому они вольны творить, как им заблагорассудится. Их свободомыслие удивляет меня. Сергей говорит мне о "духе аванбуризма", который пронизана его "духовная жизнь". Он высокомерно рассуждает о произведениях. Для него "произведение

искусства не более чем мертвая тень, тень явления, как только само явление прошло", и он воспевает "вечернее и прахолящее". Я понимаю, что помимо драмы, он много работал в театре: Дол Каханка воссоздает поджигательные сцены русской истории, например, коронацию царя или спиритические сеансы в Кремле.

Вот он заговоривает со мной о Маяковском — "это то, — говорит он, — что объединяет всех членов Поп-Механики".

Маяковский? Что общего у этого подлунного большевика с этими бродягами?

На Западе Маяковский известен как автор футуристического фестиваля 1912 года и как человек, безгранично преданный советской революции. Все помнят выставку "Париж-Большевик" в Робуре: там можно было видеть огромные агитсоставы, пеши с разноцветными ватснами, гигантские. Их, устремляясь в деревни для возбуждения революционного духа. В действительности, Маяковский, как и Аполлонер, Дикasso и Чаплин, является одним из отцовиков современного искусства.

В 15 лет вступив в подпольную Коммунистическую партию, он изучает в царских тюрьмах поэзию и историю искусств. Быдяя оттуда, он бросается к Малвадезу, — своему из уковызывающей: "Я хочу создать социалистическое искусство!" Тот разражается смехом: "Что значит иметь газа больше желудка!"

Разочаровавшийся, Маяковский вынужден работать сам по себе. "Он недооценен мой художник", — говорит он.

Через четыре года, в девятнадцать лет, он пишет вместе с двумя друзьями "Манифест футуризма", "пощечину общественному вкусу". Бомба: "Город подменяя природу: рождался новый человек". Урбанизм и индустриализм, звуки становятся скрежущими, языки ломанными, цвета кричащими... Футуристы придумали даже новый язык, Трансментал, — аггрегат звуков, языком всякого звания, которым они испекли страсти стихов.

Более, чем теорий, Маяковский увлечен непосредственными действиями: скандальные поэтические вечера, которые он организовывает вместе с друзьями, приводят в движение всю Москву: разнокрасочные лица, — розы, подставленный за-орну колокол на фестиваль, перекидывающее все граничины отрицание всех цветистых пропалого, скорбление пухлости и даже восхищение способ-

зиной звонким генком! Предвестник памятника: если скандальша выступления не были заранее запрещены, их разгоняла полиция до такой степени, что они были вынуждены выйти на улицы и дефилировать виржевыми, - рекламируя поэмы, сопровождавшиеся сотнями перевозбужденных студентов.

Но Малковский привел в футуризм "живущий социалистическую страсть, убежденный, что национальные устаревшие ценности немыслимо". Так что, как только начинается революция 17 года, он увлекает за собой всех футуристов по пути большевиков. Сразу же они обращаются к массовой пропаганде и функциональной архитектуре. Боксус получит этим толчок к развитию. новые формы: геометрическая стилизация, изгрохивание ярких цветов, обширный киноэкспрессионизм, телеграфный стиль в литературе. Вокруг него - Багал, Фасенштейн, Пастернак, Мекерхельд, Формакисты. В 1923 году он создает Левый фронт искусств, журнал артистического-политического авангарда. Но если в 1918 г. партия поддержала группировку, то подъем Пролеткульта и некоторая враждебность Ценина подталкивают инстанции к тому, чтобы отдать ее под суд масс. Принимая во внимание конформизм мужиков, это же зобра не водит. Слишком чувствительный Малковский замыкается во внутренних сооружах и ополяется на всех, кто работает не так, как он. Его жизнь усложняется день ото дня. Его эксцентричность становится все более и более патологической, его сносят душение передряги. Как будто для того, чтобы склонительно изыскать себя, он в течение нескольких лет заходит по сотням городов, заводов, студенческих общежитий, где рекламирует свои стихи, стоя на стульях, заставляя слушающих голосовать за или против "ясности своих стихов", - против бюрократов Пролеткульта. Результат: он теряет рассудок. Он кончает самоубийством в 1930 году.

Какая же связь с Цип Механикой? Сергей долго объясняет мне цели труппы (занятие: ни капли спартного!): они работают почти как бригады рабочих, следуя стахановскому принципу, соревнуясь друг с другом. "Моя лауреальная труппа - это одна из этих бригад. Наша цель - достижение общей вытеснительности. Мы еще далеки от этого, т.к. нас всего пятнадцать

да оцене. Но дело не стоит, дело движется; это не пятнадцати-тишний план, а план на две тысячи лет... В группе участвуют профессиональные писотрекеры (?) и психокаторы (?), чтобы создать мизодреническое состояние (?) и, впадая в космические пространства, экспорттировать член творчества во вселенную".

Поэтому у Пол-Механики есть друзья: Билли Уорхол, например. Они встречались несколько раз. Боб Дикин также в курсе: он даже прислал на день рождения Борису-Грабенштакову, писателю и гитаристу аквариума, свой плакат с автографом.

"Жаклу бриггаши идет смертельная стара берьба, — говорит Сергей, — борьба под этой ASSA!

— ASSA? Это еще что такое?

— Слово, которое спаслось от потопа, которое пришло к нам прямо с Ноева ковчега. Иди к Африке, си тебе объяснил".

Африка, недавний замечательник... Заметьте, он не имеет ничего от черного. Он русский и совершенно белый, как вода, это коловое выражение, т.к. быть черным — это знак избранности: "Маяковский был черным. И Пушкин! Гоголь наполовину".

Это так. Недавно Африка создал поэтическое "Освобождение Нельсона Мандельи": огромный черный пластик, который был выставлен в одной из официальных галерей Ленинграда. Он тоже говорит мне о Маяковском. Его привязанность к поэту выражается на интонации. В 16 лет Африка бежит из своего родного городка, из глубин Сибири. Маяковский сделал то же самое в 15 лет, уехав из Грузии. Африка, который побывал в Ленинграде за несколько лет до этого со своими родителями-рабочими, пересекает всю страну подпольно, без внутреннего паспорта, чтобы вернуться в этот город. Бездом-обетованная! Оказавшись на косте, он быстро привлекает массу приятелей, занимается живописью и театром: он играет на квартирах "Кубета" Достоевского и Камбета. Он становится вожаком в полуофициальном подполье к никому не известен: в течение пяти лет он блистает в нелегальных кругах и официально выставляется. Подаю портак...

Два года назад, в одно время одного из его павильонов в Москву, происходит чудо: Африка встречает старуху Смилкову, которая пятьдесят лет тому назад была одной из близких друзей

Маяковского и Чукурастов, одну из последних оставшихся в живых из членов группировки. Она умерла через год в возрасте восемидесяти лет, передав страшный факел. "Она возводила на меня высочайшую миссию, — объясняет мне Африка, — я подписал пакт, по которому стал номинальным президентом движения последователей Маяковского, и представляю его отныне во всем мире. Наш пароль — АССА. Его значение — от обеих сторон одного целого. Не смейся! Это очень серьезно".

Я не скрываюсь. Напротив, я сразу же пошутил фразу Сергея: "Слово, которое спаслось от потопа к нам прямо с Ноева корабля". Потоп? Но это же Стажкин, нет? Не оставил ли Маяковский тайного культурного завещания? Не познакомились ли с ним его поклонники 80-х годов? Он любил говорить: "Чутурин — это искусство быть молодым в России". "Поп Механика" выбирала себе очень странного учителя. Во крайней мере, для нас, жителей Запада, которые воспринимают каждое новое по отношению к советской норме выражение как диссидентство. А если бы молодые русские были счастливы? Если бы их манера сопротивляться могла (без принуждения) вписываться в систему? Если бы их мечтой, как ни странно, было возвращение к замечательному перевороту Октябрьской революции?

Конструктивный хаос, вот о чем они мечтают. Маяковский был увлечен наиболее неблагозвучным идеалом — всех времен: перестройкой мира. Нам это кажется наивным и смехотворным, потому что у нас свой подход к чтению Кастлера и Солженицына. Но они, которые продолжают там жить, что бы им скучалось? Нужно ли им выбрасывать эту мечту на помойку истории? Тем более, что она пропитается во всех школах и вузах страны, вплоть до глубин Сибири. Маяковский, гениальный иконоборец, сразу же становится обязательным примером для каждого творца, он один способен прищурить официальный катехизис и неизодоличное стремление к спасению нейтралов. И для них важно искушение думать, что их теперешний Ленин зовется Горбачевым. Но больше не может быть и речи о большевизме. Афоня Ревко переходит с Маяковского на Тарковского, искитического кинематографиста. Кончаловский, актер "Сталкера", — большой друг Поп Механики. Но для них все происходит так, как будто

дорогая Тарковскому, "зака" влезлио советились...

"Два года назад, - утверждает Африка, - меня забрали в менты. Год назад я бы не согласился с тобой разговаривать (он не первый говорит мне об этом). При Горбачеве все вот-вот изменится!

Как они в это верят! Как я тоже хотел бы верить в великую Советов!

Спустимся на землю. Из всех членов Поп Механики Борис Гребенщиков, скомост и примес гитарист Аквариума, - тридцать лет, тонкое лицо, длинные светлые волосы - вероятно, - положи больше всего сил на то, чтобы в Советском Союзе существовало альтернативное движение. Его группа, родившаяся в 1975 году в ходе встречи студентов (математика, физика, естественные науки) начала с довольно бездарного подражания битлам и западному року, как большая часть своих советских сородичей. Бразинс старел и, несмотря на относительно холодную эпоху Картера, англо-саксонская культура все более щедро проникала в империю Советов. Большой поворот наметился после рок-фестиваля в Тбилиси в 1978 г., впервые можно было услышать отрывки на русском. К началу 80-х годов явление разворывается до заключения музыкальных оборотов, целиком взятых из русской оперы. Зарождается своеобразный рок.

Большей частью группы из Ленинграда. Во главе - Аквариум. Две группы, которые поначалу сепарировали лидерство - автора и Независимого Времени. Но они попали в сети системы: соглашались стать официальными - это значит зарабатывать четыреста рублей в месяц, иметь машину и большую квартиру, но также давать двадцать концертов в месяц в местах, выбранных администрацией, и, главное, отдавать тексты цензуре. Через некоторое время Автограф стал иссрелственной группой, а Независимое Время исчезла. Аквариум отказался от официализации. Да десять лет группе удалось выпустить четырнадцать альбомов своими собственными средствами (это не диски, а кассеты, записанные на дому при помощи двух больших магнитофонов). Самый любимый альбом называется "Капитан Африка" (реактивный). Но невозможно узнать, как они их продают: пиратство процветает. Борис и его друзья остались бедными. Басист должен был

экономить в течение шести лет, чтобы оплатить сносную гитару (Ибанес), а сам Борис вынужден до сих пор довольствоваться советской электрогитарой Нурав.

Я спрашиваю: "В конце концов, вы все-таки соглашаетесь на это? Получать зарплату (система называет это "быть профессионалом"), успокояться..."

- Нет, -- отвечает Борис, -- я не устал быть свободным. Я чувствую себя гораздо более свободным, чем многие западные артисты. Вы, в конечном итоге, всегда готовы бороться за материальные блага, приобретая вещи, ящики, видео, что там еще... А хардовые группы тотчас продаются бизнесу. Здесь у нас нет этой заботы: у нас нет заходов. Мы стараемся выражать то, что в глубине. Мы стараемся раскрыть свою душу. Мы ищем внутри себя, не отвлекаясь на материальные соблазны. Мы боремся за признание нашего искусства. Но не против режима. Мне нет дела до политики.

- Но, тем не менее, тебя недавно навестило КГБ, разве нет? Что они от тебя хотели?

- Чтобы я перестал давать интервью западной прессе в Рок-клубе. Чистый бред. В действительности, рок не представляет опасности для системы. Это стоит на другом уровне.

- На каком уровне?

-- Видишь ли, для меня жизнь -- это-долг, который я плачу всему сущему. Я плачу тем, что пишу песни и играю!

Я узнаю, что у Бориса есть другаяль в тюрьме, попавшие туда за торговлю "травой". Его стиль иногда является довольно разрушительным. Однажды вечером, на сцене, он изрубил топором деревянную скамью и перебил массу бутылок. Один из наиболее известных отрывков его текстов звучит так:

"Какие первые лица! Быть беде.

Я помню, было небо, я не помню, где".

Он тоже, как безумец, верит в будущее. Аквардун только что выпустил свой первый ролик, снятый в Рок-клубе ленинградским телевидением. Мы начинаем говорить о советско-американских телевестах. Борис на седьмом небе:

- Все эти спутниковые телевесты были бы невыполнимы без Андропова. Теперь, при Горбачеве, это получит генеральное развитие!

До какой степени его оптимизм преувеличен? Для советских артистов-современная эпоха не чревата суровыми запрещениями, ни бегством, это ясно. Они не хотят покидать свою страну. Я встретил музыканта, который прожил два года в Париже и после там женился. Но ностальгия была слишком сильной: он развелся и вернулся в Ленинград. Он говорит мне: "Русский, который не может больше вернуться на родину, это мертвый человек". Не все разделяют его мнение.

Но когда заходит речь об одном из самых серьезных вопросов для артиста, о цензуре, я слышу громкий смех: это Виктор Коф, кореец по национальности, - создатель группы Кино, группы "городских романтиков". Его песни позволяют детально рассказать о прогулках под действием транквилизаторов подсудимым. И наоборот, скажут очень официального Автографа, с горячими заставками меня прочесть несколько текстов, прошедших через цензуру. Обхождешься. Но, в общем, не зло. Представьте бред Энди Ричарда или Натти Синти с отметками на полях типа: "Непонятно", "Осветить", "Это ни о чем не говорит"... Все эти мероприятия на ходу в стране Горбачева.

//////////